

Без названия, или Снова про Елец

Все города — разные. Почти как люди, в этом у меня лично никогда не было сомнений, у каждого города свой характер, темперамент и свои повадки. Каждый город по-разному принимает приезжих и гостей, по-разному относится к своим коренным жителям. Когда ты сходишь с поезда или вылезает из автобуса в городе Ельце, то чувствуешь чуть ли не физическое сопротивление среды.

Тебя сюда не звали.
Тебе здесь не рады.
Тебя здесь не любят.

Не люди конечно, нет, люди тут живут на удивление приятные — но не все, опять же — город сам не рад тебя видеть.

Елец — проклятый Нэверленд.

Заколдованный город, зажатый в рамки «вечно молодой, вечно пьяный», он с первых минут давит на того, кто вздумал в него приехать.

Почти незаметно, но ощутимо, если прислушаться к собственным ощущениям.

Когда в 2007 году я впервые приехала в Елец, то долго и упорно пыталась с этим городом подружиться; я вообще тогда считала, что дружить можно (а главное, нужно) со всем на свете, даже с городом, который шерит свой звериный оскал из-за каждого угла, который обдаёт волной неприязни каждое утро.

Зверя нужно прикормить, считала я. А чем можно угостить город? Самой собой, кусочком своей души, слава богу, что в 17 лет это ещё не кажется запредельно высокой ценой за право улыбаться по утрам, просыпаясь в Неверленде, который лежит в руинах и конвульсивно подёргивается.

И я кормила Елец.

Я каждую ночь выходила на прогулку, примерно в три часа, когда на улицах пусто и можно ходить, особо не опасаясь за свою шкуру (а в Ельце, чего уж греха таить, за свою шкуру опасаться временами приходится). Я улыбалась Городу, я уговаривала Город, я лестила ему, но не находила ответной реакции.

Всё та же тяжесть по утрам, то же жуткое ощущение, когда в солнечный день ты выходишь на Торговую, идёшь, и хочется улыбаться, петь и подпрыгивать от красоты и нужности происходящего, но... но в тот самый момент, когда ты собираешься растянуть губы в счастливой улыбке, будто бы тяжёлая лапа придавливает к земле.

Не положено.
Опусти глаза.
Иди.

После я заметила за многими жителями Города шаркающую походку, беспробудное пьянство, несчастливые браки, глаза «в пол» и страшное выражение загнанности в глазах.

Застывшее безумие.

Человек, как выяснилось, тварь вёрткая и адаптивная, и я тоже со временем привыкла.

Главное достояние в этом городе — глубина твоей депрессии: чем глубже ты увязнешь в этой черноте, тем больше тебя будет любить Елец.

А уж окончательно мне всё стало ясно с этим чёртовым Городом, когда пару лет спустя я поняла, что силы мои на исходе, и сделала, в принципе, логичную вещь.

Я пошла в церковь.

Не то чтобы я верующий человек, но отрицать то, что поход в церковь имеет иногда весьма целебные свойства, не могу.

И каково же было моё удивление, когда, зайдя в Вознесенский собор, я ощутила очень точно и бесповоротно — капкан захлопнулся.

Меня просто раздавило, размазало, и казалось, будто я даже слышу как этот полоумный старик, город Елец, заходится страшным безумным хохотом, подёргивая себя за седую бороду.

Спасения искала, деточка?

Облегчения?

Держи.

Мёртвые счастливы.

В соборе мне резко стало нечем дышать, я прислонилась к колонне и начала сползать на пол, какая-то сердобольная старушка вывела меня, на ходу объясняя, что это черти во мне сидят, но я точно знала, что есть тут единственная реально тёмная вещь — и она вокруг нас.

Город.

Город захлопнул пасть.

После этого я уже не удивлялась ничему вообще, ни вечно торчащей у ларьков молодёжи в спортинках, ни какой-то почти больной разрухе духа, витающей в воздухе.

Люди, живя под постоянным гнётом этого чудовища, которое они преданно и патриотично любят, превращаются в ходячих мертвецов. Иногда по утрам особенно заметна вся эта жуть. Шествие зомби.

Елец — Неверленд, низвергнутый с небес на нашу землю, он рухнул, развалился руинами, обозлился, и начал мстить, толпы питеровпэнов и капитанов крюков спиваются здесь каждый день, кучи фей и русалок прыгают в машины к заезжим богачам.

Страшная сказка.

У которой нет и не будет конца.

Елец — это город-вампир, и как любой вампир, он умеет очаровывать, чтобы жрать. Нет ничего красивее, чем старые улочки Ельца, церкви, старинные кладбища, памятники культуры.

Но только когда ты понимаешь, что эти улочки с односторонним движением затягиваются петлёй у тебя на шее, тебе становится реально страшно.

И просыпаться ночью, держась за горло, и выбегать на улицу, на ходу застёгивая пальто, и нестись, куда глядят глаза, затыкать уши наушниками, с головой погружаясь в музыку, лишь бы остаться в своём уме, не свихнуться, не стать одним из этих - которым страшно ненароком в глаза на улице заглянуть.

Кракен.

Огромный жадный спрут.

Люди, которые уезжают из Ельца на какое-то время, потом заново учатся здесь дышать, заново учатся жить тут — не ощущая постоянного отращения.

Вышел на улицу — около ларька пьяные двадцатилетние парни, и у каждого на лбу написано — не жилец, то ли сядет, то ли сопьётся к 30-ти.

Стоишь на остановке — мимо идут девушки — одна другой ужаснее в своих разговорах — с кем бы переспать? Денис красивый, но без машины, Вадим страшный и толстый, но у него фольц последней модели.

В итоге, кстати, побеждает Вадим, с огромным перевесом.

Тут давно не верят в любовь.

Город циников поневоле.

Город бездушных марионеток.

Однажды один мой знакомый рассказал мне, как под какими-то веществами ходил по Ельцу, и ему казалось, что у людей - лица зомби, что весь город вообще — мёртвый, а под ногами хрустит не снег, а кости.

И мне вот кажется, что он был совершенно прав.

Сколько мне известно страшных историй этого города — у каждой своё лицо, но конец один и тот же — сдать, принять правила игры этого жуткого места, прекратить тянуться к солнцу.

Может статься, что оно — такой же обман, как и красота Старого Города.

А уж о том, как неустроен Елец, и говорить нечего — один кинотеатр со сломанными 3D-очками, пара дискотек (однажды видела ЭТО — больше не хочу), один клуб, театр, функционирующий с горем пополам...

Где тут найти отдушину? Как тут жить и не спиться? Не испытывать жгучего чувства стыда за эту маленькую, но такую родную клоаку?

Ведь когда ты понимаешь, что за игру с тобой ведёт этот город, ты начинаешь его любить какой-то больной любовью врага к врагу. А за врага бывает иногда сильнее стыдно, чем за лучшего друга.

Елец — город-старичок.

Елец — буйный спившийся оборванец...

...я уехала из Ельца, прожив там четыре года, я оттуда убежала даже, можно сказать. Иногда я туда возвращаюсь — не более чем на сутки, стиснув зубы, к друзьям, которые там остались.

Привыкли к этому лабиринту.

К сожалению, как выяснилось, мышке не всегда нужен выход и зажжённые по пути лампочки.

Мышке важен сам процесс петляния по этим запутанным коридорам.

Она так чувствует себя умной, быстрой и вообще молодчинкой, не зная, что сверху стоит профессор в очках и готовится убить мышку, как только та добежит до выхода.

Хлоп.

Лучшие бесполезны и опасны.

Старик хохочет.

Город вколачивает последний гвоздь в крышку твоего гроба.

Осень.